

1

«Мы веселые и шумные,
бесшабашные и серьезные,
дети поверхности
и жители глубины...»»

МЫ

Мы веселые и смурные, бесшабашные и серьезные,
дети поверхности и жители глубины.

Мы озабочены производимым впечатлением,
но действуем по первому импульсу.

Мы рвемся на свободу,
но тщательно начищаем сковывающие нас цепи.
Противоречивые на вид и целые на пробу.

Мы маемся там, где стоило пройти, пробегаем там,
где имело смысл задержаться.

Мы так напряженно о чем-то думаем,
что можем сдвинуть гору,
но даже примятое перышко,
вырвавшееся из ткани пуховика,
не шевельнется от мысленного приказа.
Приходится применять руки там, где достаточно взгляда.

Мы объясняем, объясняемся,
но еще больше запутываем дела.

Мы ходим кругами вокруг про-, об-, пере-, пред-,
скрываясь от глаголов прямого действия,
выставляя вперед тяжеловесные существительные,
словно оправдывая собственную нерасторопность.

Нам трудно сделать шаг в сторону, а уж тем более назад,
хотя мы ходим на танцы и упорно разучиваем шаги.

Такие странные с высоты птичьего полета,
такие озабоченные и потные с высоты комнатной мухи,
такие непостижимо огромные с высоты муравья.

Кто мы такие?

Сиятельные дети вселенной, невообразимо глубокие,
уходящие во мрак беззвездного космоса,
возвращающиеся с теплым весенним лучом солнца,
чтобы согнать снег.

Вечно разделенные и неделимые,
теряющие себя в зеркалах,
опутанные сетями гравитации, проводящие ток
и не приводящие к радости.

Мы — это смех,
голосистый, раскатистый смех вселенной,
примирающий нас с идеей конечности.

Мы — это слезы,
слезы первозданности — прозрачные и соленые,
пронзительные, как любовь, проходящая сквозь тело.

И когда мы испаряемся с ладоней земли,
где-то далеко-далеко слышен выдох,
чтобы смениться вдохом.

И к кому-то приходит счастье быть человеком.

КРУГ НЕ ЗАМКНУТ

Кто я такая, чтобы говорить: «Дайте»,
кто я такая, чтобы говорить: «Возьмите».
Придете и не найдете,
откажетесь и обретете.

Кто я такая, чтобы указывать,
кто я такая, чтобы судить.
Начнете и не закончите,
возопите и услышите.

Проходит время ночи,
и пробивается свет.
Зрение обращается внутрь,
слух содрогается от тишины.

Кто я такая, чтобы водить вас,
закрывших глаза, по кругу.
Кто я такая, чтобы знать,
что круг не замкнут.

Никто не знает, кто я такая,
значит, я могу говорить.
И нет меня, только то,
что сквозь меня проходит.

И нет меня, есть поток,
и нет потока, есть чаша,
и нет чаши, есть глоток,
и нет глотка.
Есть любовь.

ВОДА ЖИЗНИ

Мы перетекаем друг в друга:
соединенные ручьи и реки,
сливающиеся в мечте
о человеке
или в замысле божьем
о нем же.
Так чего же в нас больше,
если оторваться друг от друга невозможно?

Если любовь протекает сквозь нас,
и уже не разобрать,
чья струя сильнее и чья волна
качает Землю, как мать,
уговаривая ее чуть-чуть поспать.

Мы перетекаем друг в друга, открывая сердце:
родники, ручьи, подземные воды,
буйные водопады, молчаливые озера
и широкие реки.
Мы сливаемся в мечте
о счастливом человеке.

Стоит только нам разорваться,
как трескается Земля
в попытке с орбиты сорваться.

А кто-то успел стать облаком
и дождем пролиться
на тех несоединенных,
чьи отчаянны лица.

И если родились без границ,
чего же злиться,
сливаемся и течем.
Значит, мысли божьей
суждено сбыться.

ЗВОНАРЬ

Не завидуй звонарю.
Он, конечно, ближе к Богу:
глас из рук его исходит,
тело вторит, дух звенит.
Но с высоких колоколен
различит с трудом земное —
он спускается, но все же
остаётся в вышине.

Он глядит, но слез не видит,
и улыбка, виновато
на лице его устроясь,
за ошибки извинит.
Он уйдет за утро, в вечер,
но не знает расписанья
звон, царящий в тишине.

Он уже не ощущает,
как обычно бьется сердце
у кого-то, кто, надеясь,
прикасается душой
к незатейливому платью,
чуть растерянной ухмылке,
к неожиданной обмолвке
и мозоли на руке.

Что споешь глухому сердцу,
ведь оно себе не служит,
только гласу поднебесья,
только звуку сфер могучих,
только звездной высоте.

Ты прости, круты ступени,
и легко сорваться с неба,
спутав облако и камень,
уходя как будто в дверь.

НЕ МОГУ

Я не могу ходить строем,
не передвигаюсь маршем,
возможно, я стала толще,
а может, я стала старше.
Я не ношу, что стесняет,
не стесняюсь раздеться,
возможно, это от старости,
а может, уже от детства.
Можно оглохнуть от громкости,
от тишины предпочтительней.
Дело, конечно, не в возрасте,
подробности незначительной.
Дело, конечно, в скромности
или в высокомерии,
а может, дело в скорости,
отсутствии изменения.
Я не люблю шеренги,
шагаю вперед открыто,
пусть кто-то снимает пенки,
мне интересней корыто,
мне интересней пена,
шипит негашеная известь,
батрачество не избыто,
холуйство корчит от спеси.
А мне неудобно строем,
а мне неприятно маршем.
Стоят в стороне герои,
когда становятся старше.